

УРОКИ РЕЙСЕРА

Л.Г.Фризман

(доктор филологических наук, профессор,
Харьковский национальный педагогический университет имени Г.С.Сковороды)

У статті здійснено спробу аналізу особистості й творчості видатного російського філолога Соломона Абрамовича Рейсера. Стаття містить спогади про особисті контакти з ним і достовірно оцінює його внесок у філологічну науку.

The author of the article performs an analysis of personality and creative work of the outstanding Russian philologist Solomon A.Reisser. The article includes reminiscences about personal contacts with him and appraises its true worth his valuable contribution to philology.

С.А.Рейсер был не только ученым с мировым именем и мировым авторитетом. Он занимал свою, только ему предназначенную нишу в филологической науке. Вероятно, среди русских литературоведов XX века были ученые большего масштаба, оставившие более значительный след. Но в той области, которую избрал себе Рейсер, он не был превзойден никем.

У него были украинские корни. Он родился в Киеве, после окончания Высшего института народного образования, как назывался тогда Киевский университет, переехал в Ленинград, но активно сотрудничал в украинской периодике, в частности в журнале «Червоний шлях», знакомил украинского читателя с новинками русской художественной и научной литературы. Одна из его первых статей, напечатанная в 1927 г. в журнале «Радянське літературознавство», называлась «Лесков та українська культура». К этой теме он не раз возвращался в последующие годы, а о «Заячем Ремизе» даже заметил, что трудно сказать, на каком языке написано это произведение – на русском или на украинском. Ему принадлежит углубленный анализ перевода «Медного всадника» на украинский язык, сделанного Рыльским; в журнале «Звезда» появилась его обстоятельная рецензия на «Шевченківський словник». Он расспрашивал меня об обстановке на Украине, об атмосфере, в которой я жил и работал, и нередко выражал свое саркастическое отношение к деятельности киевских или харьковских князьков несколькими словами, сказанными по-украински.

Мои дружеские отношения с Рейсером продолжались сравнительно недолго, чуть больше 15 лет, но были очень близкими. Как-то само собой сложилось незыблемое правило: во время моих достаточно регулярных наездов в Ленинград, все вечера, на которые у меня не были запланированы встречи с другими людьми, я провожу у Рейсера. В день моего приезда он выспрашивал у меня мое расписание, записывал его и планировал наше дальнейшее общение. Он вообще все любил записывать, для чего использовал миниатюрные листочки размером примерно в половину стандартной библиотечной карточки, которые потом сортировал. Между нами сложилась обстановка полного доверия, мы откровенно обсуждали все: от «прелестей» советской власти до проблем, возникающих при интимных отношениях пожилых мужчин с молодыми женщинами.

Собеседник он был удивительный. Слушать его было одно наслаждение. Точность сообщаемых им фактов и проницательность их интерпретации заслужили ему прозвище, сконструированное по названию наиболее авторитетной информационной службы – «Агентство Рейсер».

Должен откровенно признаться, что я испытываю удовлетворение и гордость от сознания того, что когда в 2005 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Рейсера, то первая и пока единственная книга о нем была издана не в Ленинграде, где он прожил более 60 лет, а в Харькове и что написал ее не кто-то из его коллег, проработавших рядом с ним всю жизнь, и не из его многочисленных учеников, выведенных им в люди, а я. Человек со стороны. Просто друг и единомышленник.

След, оставленный им в науке, чрезвычайно многообразен, и я не стану делать никаких попыток его осветить, напомним лишь основные вехи. Никто не может сравниться с ним по значимости вклада, внесенного в изучение Добролюбова. Рейсеру принадлежит самая трудоемкая книга о нем – летопись жизни и творчества. О Добролюбове – его докторская диссертация, да не просто о Добролюбове, а о молодом Добролюбове, что требовало особенно напряженных разысканий.

Много было им сделано и для изучения Лескова. К сожалению, на Западе это понимали лучше, чем в Советском Союзе. Когда в 1961 г. в Италии проходила конференция, посвященная его 150-летию, организаторы настойчиво приглашали на нее Рейсера. Его, по обыкновению, не пустили, а он, по обыкновению, отнесся к этому с полным презрением.

Сегодня, когда мы располагаем фундаментальными трудами Ю.Лотмана, Я.Гордина и других исследователей, можно с уверенностью говорить, что изучение литературного быта стало самостоятельным и продуктивным направлением в науке о литературе. Но у истоков этого направления стоял Рейсер, выпустивший в 1929 г. (в соавторстве с М.Аронсоном) книгу «Литературные кружки и салоны». Он же положил начало изданию и изучению литературных пародий, составив и снабдив комментариями вышедший в 1931 г. сборник «Мнимая поэзия. Материалы по истории поэтической пародии XVIII и XIX вв.».

Он создал новую науку, которую назвал «палеография нового времени». Дело в том, что термин «палеография» до Рейсера применялся только при изучении древних рукописей с целью определения времени и места их создания. Рейсер же создал понятийный аппарат, нацеленный на изучение современной палеографии и достиг удивительных результатов.

Книгу «Русская палеография нового времени» Рейсер мне прислал. Мне тогда предстояло ложиться на операцию, и большую часть сопроводительного письма (от 26 ноября 1982 г.) он посвятил заботам и тревогам, связанным с моим здоровьем. А кончалось оно так: «Посылаю Вам мой последний opus – в больнице, со скуки и его одолеете». «Со скуки...» Да более увлекательное чтение трудно себе представить!

Казалось бы, речь идет о таких простых и знакомых вещах: бумага, конверт, карандаш, шариковая ручка, пишущая машинка – что о них можно сказать нового? «Тоже мне, бином Ньютона!» Но Рейсер нашел, что сказать, и, думаю, любой читатель книги согласится с мнением ее рецензента Б.Ф.Егорова, что она поражает обилием и ценностью фактов; некоторые разделы читаются с почти «детективным» интересом.

Еще одну науку, созданную Рейсером, можно назвать политической лексикографией. Он написал ряд статей по истории политической лексики. На огромном, тщательно собранном и вдумчиво проанализированном материале он проследил историю возникновения и эволюцию употребления таких слов, как «декабрист», «стусеваться», «лодырь», «дворник», «мальчишка», «общее дело», «демагог», «буржуй», «русский бог». Ювелирная работа Рейсера – непревзойденный образец того, как нужно изучать историю слова.

Существует тема, в исследовании которой роль, сыгранная Рейсером, несопоставима ни с чем, что было сделано другими ни до, ни после него. Это изучение вольной русской поэзии. Он в полном смысле слова открыл этот континент, а все другие участвовали, как могли, в его исследовании, вносили в это вклад, какой кому довелось. Рейсер в значительной мере определил само это понятие, уточнил его границы, расширил ранее существовавшие представления о его содержании. Чтобы исследовать вольную поэзию так, как это сделал Рейсер, недостаточно было быть только литературоведом, для этого нужно было быть еще историком общественной мысли и революционного движения. Только сочетание в Рейсере этих качеств могло обеспечить достигнутый им блистательный результат.

При всем многообразии литературоведческих дарований Рейсера и направлений его научного творчества главным делом его жизни, по моему убеждению, была текстология. Лично для меня уроки Рейсера – это прежде всего уроки текстолога. Именно Рейсер, а также в какой-то степени Лихачев внедрили в меня убеждение, что нельзя быть полноценным литературоведом, не владея основами текстологии. Литературовед-нетекстолог вынужден брать на веру то, что нуждается в критическом анализе, что должно подвергаться обоснованному сомнению.

Я не стал изучать палеографию, не занимался историей политической лексики, но готовя любое из своих изданий для «Литературных памятников», «Библиотеки поэта», «Русской литературной критики», «Истории эстетики в памятниках и документах» и даже «Поэтической библиотечки школьника», я видел перед собой слегка прищуренный, внимательный, всепронизывающий взгляд Рейсера.

Когда я познакомился с ним в 1973 г., я работал над изданием в «Литературных памятниках» книги Рылеева «Думы». Это была одна из книг, выпущенных мной к 150-летию восстания декабристов, и первый серьезный текстологический опыт, так сказать, боевое крещение, и, конечно, я делился со своим старшим другом всеми сомнениями и намерениями. И эта, и другие мои работы подвергались его суду.

А в 1989 г. в «Литературных памятниках» вышла книга, которую сам я считаю лучшим из всех подготовленных мной изданий – «Европеец. Журнал И.В.Киреевского». Рукопись была направлена редакцией на рецензию именно к Рейсеру. Позднее ответственный секретарь редколлегии И.Г.Птушкина показала мне эту рецензию. Ниже машинописного текста Рейсер приписал от руки: «Работа Фризмана – 5+». И вот получаю я в Москве авторские экземпляры, с восторгом везу их в Ленинград, а в вестибюле Пушкинского дома меня встречает в траурном убранстве портрет человека, с которым я так дружил и которого так любил...

Термин «текстология» придумал Томашевский, и поначалу он был принят в штыки: издательство не разрешило сделать его заглавием книги, пришлось убрать его в подзаголовок. Но уже через несколько лет

он обрел права гражданства, и не будет преувеличением сказать, что решающую роль в этом сыграл Рейсер. В рецензии на книгу Томашевского он не только сразу заговорил о текстологии как о сложившейся науке, но и предложил расширить намеченный Томашевским круг изучаемых ею явлений, включив в задачу текстолога анализ не только художественной литературы, но и исторических, в том числе революционных документов. Этим он резко поднимал авторитет новой науки, объяснял ее необходимость, так сказать, в духе времени.

А годом позднее Рейсер статьей «Новооткрытые строки Некрасова» заявил себя как текстолог-практик. Этот эпизод его творческой биографии заслуживает особого внимания. События развивались так.

18 и 19 апреля 1929 г. Демьян Бедный опубликовал в двух номерах «Правды» поэму «Светочи», которую сразу же выпустил отдельным изданием в серии «Дешевая библиотека классиков» Госиздата со своей вступительной статьей. Это была поэма Некрасова «Дедушка» с вставленными в разные ее места 214 строками «революционного» содержания». Публикаторы настаивали, что ими найден подлинный некрасовский текст, который по цензурным условиям не мог быть напечатан автором при жизни. Естественно, он вызвал к себе живой интерес, сразу проник в школьное и вузовское преподавание, стал достоянием широкого читателя.

Надо вспомнить не только о том, что значила в то время публикация в «Правде», но то, каким огромным авторитетом пользовался Демьян Бедный. Не так давно он считался вождем советской литературы, перед которой ставилась задача «одемянивания» – всеобщей учебы у Д.Бедного. Подлинность «Светочей» поддержал известный историк П.Щеголев, и даже глава тогдашних некрасоведов К.Чуковский на первых порах отнесся к «радостной находке» (так назвал Д.Бедный свое стихотворение о «Светочах») с таким доверием, что включил поэму в однотомник Некрасова.

И тогда на борьбу с признанными авторитетами, на защиту исторической истины поднялся почти никому неизвестный юноша – двадцатичетырехлетний Рейсер. Не будем забывать, что это было не просто участие ученого в обсуждении научной проблемы, а акт гражданского мужества. Здесь нет возможности воспроизвести ювелирно выполненную аргументацию, которая доказывала, что «Светочи» не что иное, как грубая подделка. Доводы Рейсера были так неотразимо убедительны, что сразу получили поддержку таких авторитетных специалистов, как Б.Бухштаб, В.Евгеньев-Максимов, Ю.Оксман, Ю.Тынянов, Б.Эйхенбаум, а тридцать лет спустя и К.Чуковский признал допущенную им ошибку. Авторами фальшивки оказались третьестепенный журналист Е.Вашков, человек с весьма сомнительной репутацией, и беллетрист А. Каменский, который сам признался в коммерческом характере подлога. С тех пор «Светочи» перестали интересовать серьезных ученых, и тем, что наследие Некрасова очищено от этой мути, мы обязаны Рейсеру.

Известно, что текстологи делятся на две группы, точнее тяготеют к одному из двух принципов. Одни кладут в основу закон, норму и, прилагая их к данному случаю, принимают соответствующее решение. Другие, напротив, исходят из конкретной ситуации, менее заботясь о соблюдении общих норм. В своей книге я писал, что Рейсер сумел избежать обеих крайностей. Так-то оно так, но все же я думаю, что сущность и неповторимость рассматриваемого факта были для него важнее следования общим нормативам. Никакая теория, никакая инструкция, говорил он, не может предусмотреть все неожиданности, которые встречаются исследователя текста.

Это особенно касается установления пресловутой «последней авторской воли», которая, по его убеждению, не может быть абсолютизирована, она не юридическое понятие, а принцип, требующий к себе подлинно творческого отношения. Мы нарушаем авторскую волю уже тогда, когда публикуем черновики или отвергнутые автором варианты. Это звучит парадоксально, но в определенном смысле нарушение авторской воли – исследовательский долг текстолога.

Особую актуальность, сохраняют, на мой взгляд, сформулированные Рейсером, требования к комментарию. Он не уставал повторять и объяснять, что «комментарий – спутник текста», комментатор не имеет права использовать его для демонстрации своей эрудиции: он обязан пояснять только и именно то, что есть в тексте. Я мог бы привести множество примеров того, как горе-комментаторы отступали от этого принципа, но я приведу только один взятый из высококлассного, можно сказать, блистательного комментария Ю.М.Лотмана к «Евгению Онегину». Поясняя строчку из характеристики матери Татьяны: «Вела расходы, брила лбы», он пускается в подробные описания рекрутчины в разные эпохи. Но ведь пушкинский текст совсем не об этом, а о том, как баба прибрала к рукам все хозяйство в доме, и если что пояснять, то именно этот своеобразный «рецидив матриархата» в тогдашней России.

Комментарий, учил Рейсер, создается для читателя, и комментатор должен себе отчетливо представлять именно того читателя, которому адресовано данное издание. От того, насколько верно угаданы комментатором эрудиция, возраст, причины интереса читателя к данному тексту, круг вопросов, которые он может вызвать, зависит направленность его деятельности и ее конечный результат.

Мне довелось на собственном опыте убедиться в важности этих рекомендаций. Именно в годы близости с Рейсером я много сотрудничал с издательством «Детская литература», выпустил там несколько книг, и моей постоянной заботой было стремление читать публикуемые в этих книгах тексты глазами моего читателя – школьника и соответственно их комментировать. Я помнил, что когда сам еще совсем ребенком, вероятно, в дошкольном возрасте прочел в стихотворении Лермонтова «Бородино» строку «Полковник наш рожден был хватом», то думал, «хват» – это такой способ родов.

Вы, конечно, можете надо мной посмеяться, но то, что любой читатель понимает и толкует текст исходя из своего кругозора и жизненного опыта, – несомненная реальность. В 1941 году, когда Харьков подвергался постоянным бомбежкам, стих из «Лотовой жены» Ахматовой «И громко жене говорила тревога» я понимал, как подсказывала окружающая обстановка: слово «тревога» для меня означало только одно: «воздушная тревога». Думаю, что перечень подобных примеров мог бы пополнить каждый.

Сила Рейсера-текстолога, значимость и убедительность его выводов и рекомендаций объясняются тем, что они опирались на четыре десятилетия занятий **практической** текстологией. Известно, что настоящий командир не говорит: «Вперед!», а говорит: «За мной!» Таким был Рейсер: он учил навыкам и правилам текстологической работы, добытым его собственной деятельностью, его собственными решениями больших и малых задач. Он готовил ценные публикации для сборников «Звенья» и «Литературного наследия», его издание романа Чернышевского «Что делать?» в академической серии «Литературные памятники» (том объемом около 1000 страниц) иначе как подвигом не назовешь. Но главным полем его текстологической практики была «Библиотека поэта».

Никакие библиографические издания: ни указатель публикаций Рейсера, ни справочник «Библиотеки поэта» – не могут дать реального представления о вкладе Рейсера в эту серию. Как он сам рассказал мне в одной из наших бесед, он участвовал в той или иной роли (составителя, автора вступительных статей и комментариев, редактора, рецензента) в подготовке 80 книг. Если учесть, что ко времени этого разговора в «Библиотеке поэта» всего вышло порядка 400 выпусков, то станет ясно, что вклад в нее Рейсера был громадным, и вряд ли кто-нибудь мог сравниться с ним в этом отношении.

Видимо, немалую роль сыграло и удачное стечение обстоятельств: на протяжении всей жизни Рейсера связывала тесная дружба с И.Г.Ямпольским, который многие годы был заместителем главного редактора, а в организационном плане играл даже более мобильную роль, чем главный редактор. Я нисколько не хочу умалить заслуги В.Н.Орлова, которого глубоко уважаю и с благодарностью помню его дружеское расположение, но он в большей степени определял общие направления деятельности серии, а Ямпольский их реализовывал. Понятно, что Ямпольский не мог ни на кого положиться в такой степени, как на Рейсера, а Рейсер в любой ситуации стремился не отказать ему в помощи и содействии.

Мой первый сборник, вышедший в «Библиотеке поэта», – «Русская элегия» – был задуман, когда у руля серии еще стояли Ямпольский и Орлов, и обоими одобрен и поддержан, но тогда его выпуску помешали проблемы и неприятности, произошедшие в серии в конце 1960-х и начале 1970-х гг., в результате которых им обоим пришлось уйти. Книга вышла намного позднее, когда редколлегию уже возглавлял Ю.А.Андреев, но очертания ее остались прежними, такими, какими они обсуждались и «утверждались» в моих разговорах и с Ямпольским, и с Рейсером.

Уроки Рейсера – это не только уроки литературоведа и текстолога. Он учил качествами самой своей личности. Его жизнь выпала на самые безрадостные годы XX века. Ему было 12 лет, когда произошел Октябрьский переворот, и он не дожил месяца до падения Берлинской стены. В это «время шкурное», как назвал его Пастернак, особенно велика была цена порядочности и человеческого достоинства. И надо сказать: русская интеллигенция выдвинула из своей среды немало людей, которые прошли через него, не замавав себя ни доносом, ни угодничеством, ни предательством, ни отступничеством. Одним из них был Рейсер.

Цена прожитой им жизни измеряется не только его вкладом в науку. Как заметил насквозь изученный им Добролюбов, польза деятельности увеличивается оттого, что вид человека, высоко стоящего в нравственном и умственном отношении, обыкновенно действует благотворно на окружающих, возвышает и одушевляет их. Рейсер был не просто хорошим человеком, он обладал способностью многое делать лучше тех, кто с ним общался. Под прищуром его все видящих и все понимающих глаз подлецы стеснялись своей подлости, хамы смиряли норов, вельможи не решались распоясаться вконец.

Если бы мне удалось донести хоть какие-то черты его облика как ученого и человека до тех, кому не довелось с ним общаться, я счел бы свою задачу выполненной.